

Рассолова Анастасия Юрьевна,
4 курс Юридического института,
НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Перемышленникова Инна Николаевна,
Ассистент кафедры гражданского права и
процесса, Юридический институт, НИУ «БелГУ»

**КОЛЛИЗИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ АВТОНОМНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ
ИНТЕЛЛЕКТОМ: КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ
ПРИВЯЗКИ «LEX LOCI DELICTI»**

Аннотация. Традиционные положения юридической науки в настоящее время подвергаются масштабной трансформации, что особенно заметно при установлении субъекта, виновного в причинении искусственным интеллектом вреда. Уточняется, что искусственный интеллект в строгом смысле не является субъектом права. Как представляется, один из фундаментальных принципов ответственности за вину, без которого генеральный деликт не будет признаваться полноценным, в ситуациях с причинением вреда искусственным интеллектом не имеет решающего значения. Утверждается, что риски, которые возникают при применении искусственного интеллекта, должны быть минимизированы путем разработки и апробации на практике специальных деликтов.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, деликтная ответственность, причинение вреда, коллизионные привязки.

Вопрос ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом (далее также – ИИ), занимает одно из центральных мест в современной юридической науке, прежде всего, в связи с тем, что сам ИИ не является автономным, полноценным субъектом права. К настоящему времени уже назрела необходимость определения лица, которое будет отвечать в тех случаях, если автономная система совершила ошибку или причинила ущерб. По справедливому утверждению В.М. Артемова, традиционные правовые механизмы, в числе которых и деликтная ответственность, не всегда применимы к ситуациям с участием автономных ИИ. В этой связи возникают пробелы, представляющие собой в области юридической ответственности [1], не являющиеся дефектом правовой системы, а выступающие органичным элементом права, отражающим динамику общества и его потребности.

Существующие подходы, как правило, стремятся вписать ИИ в рамки уже известных категорий. В большинстве случаев ИИ рассматривается либо как продукт/товар (и тогда при причинении вреда может наступать ответственность изготовителя по правилам о недостатках товара), либо как инструмент в руках владельца/оператора (и тогда ответственность несет тот, кто использовал ИИ, по принципу вины или риска).

Однако уникальные свойства ИИ – автономность, непредсказуемость и «эффект черного ящика» (непрозрачность принятия решений) – осложняют установление причинно-следственной связи и виновного лица [2]. Например, если самоуправляемый автомобиль с ИИ попадает в аварию, причиняя ущерб, вина может лежать на программистах, которые проигнорировали сценарий, на производителе сенсоров, на владельце, не обновившем софт, или ни на ком (случайность). В таких случаях потерпевшему трудно доказать, чьи действия или бездействие привели к вреду, особенно учитывая техническую сложность ИИ-систем.



Проблема распределения ответственности ярко проявилась в истории с участием беспилотного автомобиля Uber в 2018 г. Впервые автономный автомобиль насмерть сбил пешехода. Следствие установило, что встроенная система ИИ не распознала пешехода должным образом из-за комбинации технических недочетов. Однако к уголовной ответственности привлекли не разработчиков алгоритма, а резервного водителя – человека-оператора, который находился за рулем и должен был следить за движением.

Прокуратура штата Аризона прямо указала, что компания Uber не несет уголовной ответственности за этот инцидент, а единственным обвиняемым стала оператор транспортного средства, отвлекшаяся от дороги [3]. В 2020 г. ей было предъявлено обвинение в неумышленном убийстве. Этот случай продемонстрировал, что в отсутствие легального статуса у ИИ правоприменение опирается на существующие механизмы: ответственность возлагается либо на непосредственного человека, обязанного контролировать ИИ (в данном случае – водитель-испытатель), либо на организацию через институт ответственности владельца источника повышенной опасности.

Гибель пешехода автономным автомобилем была квалифицирована как результат недостаточного контроля со стороны оператора, хотя очевидно, что первопричиной стали ошибки именно алгоритма и сенсорной системы. Тем не менее, наказать «виновный» алгоритм невозможно, а привлечение разработчиков к уголовной ответственности по действующим законам затруднительно, поэтому практическим решением стало обвинение человека, ответственного за надзор за ИИ. Пример с Uber – лишь один из множества сценариев. Автономные транспортные средства регулярно попадают в аварии; во всех случаях юридическая ответственность так или иначе ложится на человеческое лицо – водителя (если он должен был вмешаться), производителя или владельца техники.

Аналогично и в сфере промышленной робототехники, если робот нанес травму рабочему, как правило, в суде истец предъявит иск производителю оборудования (по продуктовой ответственности) либо работодателю (за нарушение техники безопасности). Однако, если робот действовал строго по заданной программе, но ситуация не была предусмотрена, выявляется «вакуум вины»: никто из людей прямо не ошибся, но вред причинен. Это ставит вопрос о том, нужно ли вводить особый режим ответственности без вины для ИИ-систем. В январе 2025 г. в целях укрепления национальной безопасности был принят Указ № 14179 «Устранение препятствий на пути к лидерству США в области искусственного интеллекта», благодаря которому уже в обозримом будущем в стране будет действовать минимально обременительный национальный стандарт, запрещающий штатам алгоритмическую дискриминацию.

В Европе активно обсуждались такие меры. Европарламент в 2020 г. предлагал ввести строгую (объективную) ответственность для эксплуатантов высокорисковых ИИ-систем: например, владельцы роботов или операторы ИИ несут ответственность за любой причиненный вред, вне зависимости от вины, с возможностью освобождения только если доказана внешняя причина. Также рассматривалась идея обязательного страхования гражданско-правовой ответственности пользователей ИИ по аналогии с автострахованием. Еврокомиссия подготовила в 2022 г. проект Директивы об ответственности за ИИ (AI Liability Directive), который должен был унифицировать правила исков о возмещении ущерба с участием ИИ в ЕС.

Предлагалось облегчить бремя доказывания для потерпевших: в частности, вводился механизм раскрытия информации – пострадавший мог бы через суд потребовать у разработчика/оператора данные об функционировании ИИ, чтобы выявить сбой или дефект. Однако уже в 2025 г. стало известно, что Еврокомиссия решила отозвать этот законопроект из-за отсутствия консенсуса и сопротивления индустрии, опасавшейся чрезмерных рисков.



Представители крупного IT-бизнеса лоббировали против жестких норм ответственности, и в итоге ЕС пока сосредоточился на превентивном регулировании, отложив вопрос об особой деликтной ответственности за ИИ [4].

Другие государства также пытаются адаптировать действующие нормы. В США действует подход «case-by-case», основанный на прецедентах и применении общих принципов. Например, в случае дефекта ИИ-системы может применяться ответственность по продуктовой линии (Product Liability): если причинен вред из-за неисправности или недоработки алгоритма, потерпевший может предъявить иск производителю как за дефект товара. Так, автопроизводители сталкиваются с исками, когда системы автоматического пилотирования работают некорректно.

В 2022 г. в Калифорнии была инициирована серия судебных разбирательств с участием Tesla в связи с авариями на Autopilot – истцы утверждают, что компания ввела потребителей в заблуждение относительно возможностей ИИ и фактически выпустила на дороги опасную незавершенную технологию. Эти дела еще продолжаются, но они идут по линии законов о защите прав потребителей и о безопасности продукции, а не выделяют ИИ как особый объект.

Важной проблемой остается доказательство причинно-следственной связи и вины при участии ИИ. Из-за сложности алгоритмов пострадавшему трудно указать, какое конкретно действие или бездействие лица привело к сбою. Например, «эффект черного ящика»: современный нейросетевой ИИ принимает решения сложным образом, и даже разработчики не всегда могут объяснить, почему программа совершила тот или иной поступок. Это затрудняет привлечение к ответственности по традиционному критерию виновного поведения (неосторожности, упущения). Потерпевшие могут просто не иметь доступа к внутренней информации алгоритма, чтобы показать, что в коде был изъян. Именно поэтому в ЕС обсуждались меры по переносу бремени доказывания: если вред причинен ИИ, презюмировать причинную связь и вину оператора, пока он не докажет обратное. Однако такие правила еще не приняты повсеместно.

Некоторые эксперты предлагают альтернативные подходы: создание специальных компенсационных фондов для возмещения ущерба от ИИ (к которым могли бы обращаться пострадавшие, не выясняя виновника), или введение обязательного страхования для всех разработчиков/владельцев продвинутых ИИ-систем (чтобы страховая выплата покрывала ущерб вне зависимости от вины). Такой подход используется, например, в отношении ядерного ущерба или ущерба от некоторых опасных объектов, где действует принцип объективной ответственности и гарантированного возмещения. Но пока ни одна страна не установила отдельный фонд по случаям с ИИ – очевидно, из-за новизны явления и сложности оценки рисков [5].

На сегодняшний день практика идет по пути комбинации существующих норм: в каждом случае ищется подходящая правовая конструкция для возложения ответственности на человека или компанию. Например, если медицинский ИИ поставил неверный диагноз, ответственность, вероятнее всего, понесет либо врач, доверившийся ИИ (если суд решит, что он проявил небрежность, полностью полагаясь на машину), либо больница, внедрившая несертифицированную технологию.

Страховые алгоритмы и системы scoring в финансах, которые ошибочно дискриминируют клиентов, могут привести к искам по законам о равноправии: в 2022 г. Министерство юстиции США подало иск к компании Meta (Facebook – признана экстремистской организацией и запрещена в России) за алгоритмы таргетирования рекламы жилья, которые учитывали расы и тем самым нарушали Закон о жилье – дело закончилось соглашением, Meta согласилась изменить алгоритм.

Здесь применили обычный антидискриминационный закон, трактуя алгоритм как продолжение действий компании. В другом случае, когда скрининговое ПО для арендаторов



жилья отклоняло кандидатов с судимостью, суд признал, что разработчик ПО может нести ответственность наряду с арендодателями за нарушение Закона о жилье, поскольку он поставил инструмент, заведомо ведущий к дискриминации [6]. Эти примеры показывают расширение зоны ответственности разработчиков алгоритмов в рамках существующих правовых норм, без специального закона об ИИ.

Особенно сложно обстоит с ошибками ИИ, не связанными с чьей-либо явной небрежностью. Например, нашумевшее исследование выявило, что алгоритм, используемый в медицинских организациях США для распределения доступа к дополнительным программам ухода, систематически давал меньший приоритет темнокожим пациентам – из-за сбоя в данных чернокожие реже попадали в программы, чем белые с такими же показателями здоровья [7]. Этот алгоритм действовал автоматически и долгое время незаметно дискриминировал группу пациентов, пока проблему не обнаружили.

Здесь нет «классического» ответчика – алгоритм закуплен больницами, разработчики не преследовали цели дискриминации. Тем не менее, очевиден ущерб правам конкретных людей. В подобных случаях встает вопрос: кто должен ответить? Возможен групповой иск пациентов к поставщику алгоритма за дефект товара (программного обеспечения) либо к медицинским учреждениям за использование опасного инструмента. Такие споры только начинают проявляться, и правовая система ищет решение.

Таким образом, проблема ответственности за действия ИИ упирается в необходимость соблюдения баланса при достижении двух целей: с одной стороны, обеспечить потерпевшим эффективное возмещение ущерба, с другой – не задушить инновации чрезмерными рисками для разработчиков и пользователей ИИ. Пока что в разных юрисдикциях наблюдается осторожный подход: стремятся адаптировать существующие правовые институты (деликт, договор, ответственность за продукт) к случаям с ИИ, дополняя их разъяснениями и частными правилами. Например, суды могут толковать понятие дефекта шире применительно к ИИ-продукту или признавать неосторожностью недостаточный надзор за автоматизированной системой.

Не вызывает сомнений тот факт, что цифровая революция сопровождается не только стремительными технологическими изменениями привычного уклада. В пересмотре нуждаются и традиционные концепции правового поля, в числе которых концепция деликтной ответственности. Так, искусственный интеллект способен обучаться, использоваться в качестве помощника. В то же время, все чаще обсуждаются перспективы участия ИИ в качестве участника отношений как общественных в целом, так и процессуальных в частности. При этом актуализируется аспект ответственности за действия искусственного интеллекта, например, в случаях распространения порочащей информации в сети Интернет, либо при причинении вреда жизни и здоровью другого человека источником повышенной опасности, которым может управлять ИИ. Например, во Франции к настоящему времени действует Национальная стратегия в области искусственного интеллекта, где определен этические аспекты применения ИИ на практике.

С одной стороны, к ответственности следовало бы привлекать разработчиков и программистов, которые определяют алгоритмы деятельности ИИ, создают обновленные цифровые модели. Однако, даже самый опытный разработчик не может предвидеть всех возможных сценариев и предусмотреть все потенциальные ошибки. К тому же, сложные нейронные сети часто действуют как «черные ящики», в которых даже создателям трудно отследить причинно-следственные связи, приводящие к определенным результатам.

С другой стороны, ответственность может быть возложена на операторов информационных технологий – тех, кто использует и контролирует его работу. Врач, применяющий систему диагностики ИИ, водитель, управляющий беспилотным автомобилем,



или менеджер, использующий ИИ для принятия кадровых решений, должны понимать возможности и ограничения ИИ, а также нести ответственность за свои собственные действия, основанные на рекомендациях ИИ. Однако, в этом случае возникает вопрос о степени автономии ИИ. Если система принимает решение самостоятельно, без непосредственного вмешательства человека, то ответственность оператора становится менее очевидной.

Весьма интересным представляется подход, согласно которому ИИ признается «электронной личностью». В рамках данной концепции искусственный интеллект может привлекаться к деликтной ответственности, тем не менее, на практике реализация данной концепции вызывает определенные противоречия. Не вполне понятно, как оценить способность ИИ нести наказание за совершенное гражданское правонарушение, как определить его сознание, волю. Кроме того, ИИ не имеет доходов, чтобы, например, выплатить штраф пострадавшей стороне.

В условиях стремительного развития цифровых технологий повышается значимость страхования рисков, которые присутствуют при использовании ИИ. Уже сейчас страховые компании работают над созданием новых продуктов, с помощью которых можно в достаточной степени покрыть причиненный действиями ИИ ущерб. При этом возникают сложности, связанные с оценкой цифровых рисков, с установлением адекватных страховых тарифов.

М.А. Ефремова справедливо отмечает, что проблема деликтной ответственности в условиях применения цифровых технологий находится не только в юридической плоскости, но и в философско-этической [7]. Для поиска ее решений необходим комплексный подход, который будет учитывать не только интересы разработчиков ИИ-систем, но и отдельных пользователей. Цифровые технологии в нашем понимании не должны быть опасны для человека, при этом пользователь должен понимать, что его права и интересы будут надлежащим образом защищены государственными инструментами.

На наш взгляд, следует последовательно разрабатывать законодательные рамки, благодаря которым будут определены рамки ответственности за действия искусственного интеллекта и за последствия его применения. Разрабатываемые нормативные акты должны учитывать степень автономии ИИ, а также устанавливать необходимые ограничения для разработчиков цифровых систем для целей полноценной защиты прав и интересов пользователей. Кроме того, на локальном уровне следует разрабатывать действенные системы контроля над работой ИИ, которые будут выявлять потенциальные ошибки в функционировании цифровых систем.

Как представляется, ответственность за действия ИИ-систем целесообразно распределить между разработчиками цифровых технологий, их пользователями и операторами. Разработчики ИИ-систем должны нести ответственность за безопасность цифровых продуктов, операторы – за разумное и рациональное использование искусственного интеллекта. В обозримом будущем можно заняться развитием технологии «объяснимого ИИ» (Explainable AI), что позволит повысить уровень контролируемости ИИ. Только в этом случае можно в полной мере воспользоваться преимуществами искусственного интеллекта, минимизируя риски и обеспечивая его безопасное развитие в России и в мире.

Список литературы:

1. Артемов В.М. Правосубъектность искусственного интеллекта: философско-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 25-33.
2. Беляев М.А. Искусственный интеллект: новые вызовы для права // Право и экономика. 2019. № 7. С. 20-28.
3. Власов В.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт и перспективы для России // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 112-119.



4. Глухова Е.С. Искусственный интеллект как особый субъект гражданского права // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 53-59.

5. Григорьев П.В. Правовой статус искусственного интеллекта: вопросы теории и практики // Юридическая наука. 2021. № 1. С. 6-12.

6. Дмитриев А.В. Ответственность за действия искусственного интеллекта: гражданско-правовой аспект // Закон. 2019. № 12. С. 84-91.

7. Ефремова М.А. Искусственный интеллект: проблемы правового регулирования в России и за рубежом // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 60-69.

